

Книги
ДЖЕЙМСА ХЭДЛИ ЧЕЙЗА
в серии
«Звезды классического детектива»

Лучше бы
я остался бедным
♦
Весна в Париже
♦
Сильнее денег
♦
Перстень Борджиа
♦
Шутки в сторону
♦
Дело о наезде
♦
Запах денег
♦
Карьера убийцы
♦
Он свое получит
♦
Весь мир в кармане
♦
Ты за это заплатишь
♦
Карточный домик
♦
Итак, моя радость...

Джеймс Хэдли
ЧЕЙЗ

**ИТАК,
МОЯ РАДОСТЬ...**

АЗБУКА
Санкт-Петербург

ИТАК, МОЯ РАДОСТЬ...

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Одним из главных аттракционов Парадиз-Сити был аквариум. Встреча ей была назначена в половине пятого у дельфинария, и она еще подумала, что это на редкость неудачное место для randevу. Она терпеть не могла толкаться среди туристов, из-за которых жизнь в Парадиз-Сити в это время года становилась совершенно невыносимой.

В третью неделю февраля, когда уже очень тепло, но еще не жарко, наступало излюбленное время техасцев, ньюйоркцев, а заодно и латиноамериканцев, и они затапливали город нескончаемым потоком богатства и вульгарности. Между четырьмя и пятью часами, после сиесты, когда до открытия казино делать было особенно нечего, толпы туристов забредали в прохладные, неярко освещенные гроты, где был устроен самый красочный аквариум в мире.

Она двигалась через толпу, и в ее зеленых глазах отражались тревога и смятение, а хрупкое тело чуть съеживалось под простым хлопковым платьем каждый раз, когда ее задевали жирные и старые, дряблые и морщинистые люди: они визгливо выкрикивали что-то, толкались и напирали, чтобы подобраться ближе и изумленно разинуть рот на тропических рыбок, которые с тем же изумлением разевали рты в ответ.

Вот интересно, его вообще удастся здесь найти? — подумала она и внезапно разозлилась: зачем он пред-

ложил такое место для встречи? Она почувствовала, как чьи-то горячие пальцы подхватили ее под ягодицу и ущипнули. Она рванулась вперед, даже не оглянувшись. К подобному обхождению она привыкла. Старые и чересчур богатые имели привычку щипать за зад. Она давно уже перестала обращать на это внимание. Такова расплата за изящную, точеную фигурку и миловидное личико... нельзя же получить все сразу, часто повторяла она себе. Ты либо серая мышка, лишенная привлекательности, либо ходишь с синяками. Она предпочитала синяки.

Прокладывая себе дорогу к дельфинарию, она чувствовала, как колотится сердце и даже мутит от страха. Пока она шла, ее глаза с тревогой пробегали по каждому лицу, возникавшему в тусклом свете, и она молила бога, чтобы не встретить никого из знакомых или коллег. Но, сливаясь с толпой вокруг, пихающейся, хохочущей и гомонящей, она начала понимать, что он выбрал верное место для встречи. Никому из ее друзей, ни одному работнику казино и в голову не придет заглянуть сюда, чтобы толкаться вместе с потной, вульгарной оравой туристов, озабоченной лишь тем, как убить час времени.

Она в итоге добралась до большого грота, где обитали дельфины. Здесь толпа была особенно плотной. Она слышала, как плещутся в воде крупные животные, ныряя за брошенной им рыбой. В дельфиньем гроте ощущался запах влаги, смешанный с ароматами дорогих духов и запахом пота, гомон веселящейся толпы бил по барабанным перепонкам, заставляя ее морщиться.

А потом она увидела его.

Он вышел из толпы, мягко улыбаясь, держа в руке белую панаму, его кремовый летний костюм был безупречно опрятен, в петлице — кроваво-красная гвоз-

дика. Сам он был маленьким и хрупким, лет шестидесяти с небольшим, с худым коричневым лицом, серыми глазами и тонким ртом, постоянно растянутым в улыбке. Его редющие светлые волосы поседели на висках, нос походил на орлиный клюв. Этому человеку она теперь не доверяла, научилась бояться его, но он притягивал ее, как электромагнит притягивает сталь.

— Итак, моя радость... — произнес он, останавливаясь перед ней. — Вот мы и встретились снова.

Он говорил негромко, но отчетливо. Расслышать его никогда не составляло труда, где бы они ни встречались, даже в самых шумных местах. И начинал он с неизменного приветствия: «Итак, моя радость...» Она знала, что оно неискреннее, как обещание алкоголика завязать, но это ее уже не волновало, как не волновали щипки за зад.

Когда они встретились впервые, он сказал, что его зовут Франклин Людовик. Он родился в Праге и работает внештатным журналистом. В Парадиз-Сити он приехал, чтобы написать большую статью о казино. В этом не было ничего удивительного. Многие журналисты приезжали, чтобы написать о здешнем казино. Оно считалось самым шикарным заведением во Флориде. Сейчас, на пике сезона, за ночь по обтянутым зеленым сукном столам перекочевывало до миллиона долларов, чаще в сторону крупье, а не игроков... но какая разница?

Людовик подошел к ней как-то днем, пока она загорала на пляже. Он покорила ее своей безобидностью и деликатными манерами, почтительным отношением, несмотря на ее юный возраст, и своей улыбкой. Он знает, что она работает в казино, признался он. И протянул ей тисненую визитку со своим именем и с магическими словами «журнал „Нью-Йоркер“» вместо адреса и телефона. Он пояснил, что собирает закрытую

информацию о казино. Он сидел у ее ног на мягком пестичке, сдвинув панаму на крючковатый нос, и говорил. Он рассказал, что уже взял интервью у Гарри Льюиса, управляющего казино. Тут его лицо искривилось в комической гримасе отчаяния. Вот это человек! Лишнего слова не вытянешь! Если полагаться на сведения, полученные от Гарри Льюиса, никогда не напишешь статьи, соответствующей невероятно высоким стандартам «Нью-Йоркера». И потому он решил расспросить ее. Она ведь вместе с другими девушками работает в хранилище казино. Он узнавал. Он поднял на нее серые глаза, в которых мелькнул озорной огонек. И так, моя радость... Сколько же раз она слышала от него эту фразу, которая в итоге начала вызывать страх и недоверие! «Может, вы расскажете мне то, что я хочу знать, а я в свою очередь заплачу за сведения? Ну... сколько? „Нью-Йоркер“ богатый журнал. Скажем, пятьсот долларов? Как насчет пятисот долларов?»

У нее перехватило дыхание. Пятьсот долларов! Она отчаянно мечтала выйти замуж. Терри, ее ухажер, пока еще студент. Они оба согласились, что, если бы удалось достать пятьсот долларов, они рискнули бы пожениться, сняли бы хоть однокомнатную квартиру... но только где взять пятьсот долларов? И вот пожалуйста, этот безобидный маленький человек предлагает ей необходимую сумму в обмен на тайны казино.

Она чуть было не согласилась в тот же миг, но вспомнила предостерегающий пункт своего контракта — контракта, который приходилось подписывать всем работникам казино. Никому из персонала не позволялось рассказывать о делах казино. За нарушение полагалось наказание в виде немедленного увольнения и возможного судебного преследования.

Заметив, что она колеблется, Людовик сказал:

— Я знаю, что вы подписали контракт, но вам нечего бояться. Подумайте сами. Никто и никогда не узнает, от кого я получил информацию. А пятьсот долларов все-таки неплохая сумма. И она может стать больше...

Он поднялся с песка, улыбнулся ей и пошел прочь, помахивая панамой и обходя раскормленные туши богачей, которые жарились на солнышке со своими варикозными венами, искривленными пальцами на ногах и лоснящимися жировыми складками.

В тот же вечер, когда она уже успела обдумать его предложение, он позвонил ей.

— Я поговорил с издателем. Он с легкостью согласился на тысячу. Я так рад. Мне казалось, он может заартачиться. Ну как, моя радость, за тысячу долларов вы согласитесь мне помочь?

И она помогла ему, несмотря на тошнотворное чувство вины и страх разоблачения. Он дал ей пятьсот долларов. Остальные пять сотен она получит, когда предоставит ему всю необходимую информацию, пояснил он, отечески улыбаясь. Он начал задавать вопросы, и они становились все более и более настораживающими, и вот тут до нее дошло, что он, возможно, вовсе никакой не журналист. Вполне вероятно, что он собирается ограбить казино. Иначе зачем ему интересоваться количеством охранников, суммами, которые попадают в хранилище каждый вечер, и системой сигнализации... ведь именно об этом стал бы спрашивать тот, кто задумал ограбить казино, не так ли? А потом последовало еще одно требование: ему нужны схемы электросети казино. Об этом он попросил ее три дня назад, когда они сидели в его обшарпанном «бьюике»-купе на уединенном пляже на окраине Парадиз-Сити. Эта просьба ее возмутила.

— Ну нет! Этого я не могу! Для статьи это точно не нужно! Я не понимаю. Я начинаю думать...

Он улыбнулся несколько кривовато, и его сухая, похожая на птичью лапку кисть деликатно опустилась на ее руку, заставив ее вздрогнуть и отстраниться.

— Не думайте, моя радость, — сказал он. — Мне необходимы схемы. И давайте не будем пререкаться. Мой журнал готов платить. Что, если мы выделим еще тысячу? — Он вытянул из кармана конверт. — А вот те пятьсот, что я вам должен... видите? Позже вы получите тысячу сверху.

Она взяла конверт, принялась заталкивать его в сумочку, сознавая, что этот человек по-настоящему опасен, что, несмотря на свою внешность, он задумал ограбить казино, он использует ее, чтобы сделать возможным невозможное. Если она получит еще тысячу долларов, ей больше не придется каждый вечер приходить в казино к семи и оставаться в хранилище до трех ночи. Она будет свободна и сможет выйти за Терри. Вся ее тоскливая жизнь изменится полностью.

Она внезапно решила, что, если этот маленький человек действительно задумал ограбить казино, она ничего не желает об этом знать. Но вот получить еще одну тысячу она очень даже желает. Она колебалась, вероятно, минуту, а затем кивнула.

Однако задача оказалась непростой. Наконец ей удалось заполучить необходимые схемы. Но только потому, что у нее был доступ к папкам в главном офисе, где она время от времени подрабатывала днем, чтобы получать сверхурочные. Этот улыбчивый маленький человек доказал свою проницательность, выбрав в помощники ее. И этот человек, чье настоящее имя было Серж Мейски, был хитроумным и опасным, как змея. Он приехал в Парадиз-Сити десятью месяцами раньше. Он тайно наблюдал и собирал сведения о четырех девушках, которые работали в хранилище казино. И в конце концов решил сосредоточить внимание

на привлекательной миниатюрной блондинке по имени Лана Эванс. Этот выбор доказывал, что его чутье и суждения безупречно точны. Еще немного — и Лана Эванс даст ему ключ к самому крупному и эффектно-му ограблению казино за всю историю ограблений казино.

И вот теперь они стояли лицом к лицу посреди колышущейся толпы туристов в тускло освещенном аквариуме, где, помимо многочисленных рыб, имелись еще и дрессированные дельфины. Он улыбнулся ей, взял за руку своей сухой птичьей лапкой и повел в сторону, в относительно безлюдное место перед резервуаром, где обитал печальный, скучающий осьминог.

— Вам удалось?

Его улыбка была безупречна, как и его костюм, однако Лана Эванс ощущала исходившее от него крайнее нетерпение, и это нетерпение испугало ее.

Она кивнула.

— Великолепно. — Его нетерпение исчезло, словно светофор переключился с красного света на зеленый. — У меня с собой деньги... вся сумма. Целая тысяча хрустящих долларов. — Взгляд его серых глаз был устремлен мимо нее, скользя по лицам проходящих туристов. — Отдайте мне.

— Сначала деньги, — почти беззвучно выдохнула Лана Эванс. Она была ужасно испугана, а от влажного воздуха гротов едва не теряла сознание.

— Разумеется. — Он вынул из кармана брюк пухлый конверт. — Все здесь. Но не пересчитывайте на людях, моя радость. Кто-нибудь заметит. Где схемы?

Ее пальцы ощупывали конверт, ощущая хрустящие банкноты, скрытые от взгляда, но уже принадлежащие ей. На мгновение мелькнула мысль, не пытается ли он ее надуть, но она решила пойти на риск. Похоже, в конверте полно денег. Ей хотелось побыстрее завершить

этот опасный обмен. Она отдала ему схемы: несколько страниц с рисунками сложно переплетенных электрических проводов, тянувшихся от электроцитов казино, которые питали осветительные приборы, систему кондиционеров и многочисленные охранные сигнализации. Он очень быстро пробежал страницы глазами, переворачивая лишь до половины, показывая их одному только осьминогу, который отодвинулся подальше, спрятавшись за камень.

— Итак... — Он убрал доказательство ее предательства в карман брюк. — Вот мы и совершили весьма удачный обмен. — Он улыбнулся, его серые, с синеватым отливом глаза вдруг как-то помутнели, превратившись в комочки грязного снега. — О... и еще кое-что...

— Нет! — отрезала она. — Хватит! Мне плевать...

— Прошу вас. — Он вскинул руку — успокаивая, умиряя. — Я больше ничего не хочу от вас. Я вполне доволен. Вы так мне подействовали, было так приятно работать с вами, вы так надежны... могу ли я выразить свою признательность скромным, пустячным подарком? — Он достал из кармана небольшую квадратную коробочку, перевязанную красной с золотом лентой и с золотой этикеткой, на которой было написано волшебное имя «Диана». — Прошу вас, примите... Такая красивая девушка должна заботиться о своих ручках.

Она взяла коробочку, встревоженная этой неожиданной щедростью. Крем для рук «Диана» был создан и выпускался только для самых богатых. Держа в руке эту коробочку, она чувствовала себя даже богаче, чем в тот момент, когда получила от него конверт.

— Ну что вы... спасибо...

— Спасибо вам, моя радость... Прощайте.

Он растаял в толпе, словно маленькое добродушное привидение: только что он еще улыбался ей, а в следу-

ющий миг уже исчез. Он скрылся так быстро, что даже сложно было поверить, что он вообще стоял перед ней. А вместо него, широко улыбаясь, появился красноротый здоровяк в цветастой желто-голубой рубашке.

— Томпсон из Миннеаполиса, — представился он громким, рокочущим голосом. — Видали, что вытворяют эти чертовы дельфины? Ни разу в жизни не видел ничего подобного!

Она смотрела на него пустым взглядом, понемногу отступая, а потом, уверившись, что он не дотянется до нее своими лапами, развернулась и размеренно зашагала к выходу, крепко сжимая в руке коробочку, в которой лежала ее смерть.

Они добирались до Парадиз-Сити по одному, осторожно, словно крысы, которые с опаской выходят на солнечный свет.

В это время, в разгар сезона, полиция усиленно следила за аэропортом и вокзалом. Дополнительные полицейские посты были организованы и на трех самых крупных шоссе, ведущих в Парадиз-Сити. Полицейские, наделенные фотографической памятью, поджидали у многочисленных шлагбаумов, и жесткие глаза копов внимательно осматривали каждого пассажира, проходившего через пропускной пункт. Время от времени кто-нибудь из них поднимал руку, веля пассажиру остановиться. Его или ее увлекали в сторону от медленно текущего потока приезжих.

Диалог происходил всегда один и тот же:

— Здравствуйте, Джек (Чарли, Лулу), у вас имеется обратный билет? Лучше сразу воспользуйтесь им — здесь вас не ждут.

Точно такой же диалог происходил и на контрольных пунктах на шоссе, когда некоторые машины из-

влекались из общего потока и их отправляли обратно в Майами.

Благодаря полицейскому надзору сотням крупных и мелких преступников не удавалось попасть в город, чтобы потрошить кошельки богачей.

И потому четыре человека, получившие некое многообещающее приглашение и предупрежденные о полицейских кордонах, прибыли в город поодиночке и с соблюдением мер предосторожности.

Джесс Чандлер, на которого у полиции не было ничего, прилетел самолетом. Этот рослый, красивый, жизнерадостный с виду мужчина двинулся на полицейское заграждение без малейших колебаний, уверенный, что его фальшивый паспорт и гладко придуманная легенда о том, что он зажиточный кофейный плантатор из Бразилии, удовлетворят пристальный интерес полиции.

К своим тридцати девяти годам Чандлер считался в мире криминала одним из самых ловких и хитроумных мошенников. Его внешность кинозвезды сильно помогала в работе. Худощавое загорелое лицо, аккуратный нос и полные губы, высокие скулы и большие темные глаза складывались в портрет самоуверенного сердцееда, чувственного и бесшабашного, и некоторые женщины улавливали это, ощущая внезапное влечение к нему даже в длинной очереди к выходу из аэропорта, за стенами которого ждали солнечный свет и тепло.

Двое дежурных полицейских внимательно изучили Чандлера. Он в ответ смотрел на них: взгляд его был скучающим, выражение лица немного презрительное. Он не выказывал страха, а именно страх высматривали полицейские. Бросив на его паспорт всего лишь короткий взгляд, они жестом отпустили его, и он двинулся к ряду стоявших наготове такси.

Чандлер переложил чемодан из одной руки в другую и широко улыбнулся. Он знал, что это будет легко... так и получилось.

Миш Коллинз был вынужден проявить бóльшую осмотрительность. Он всего два месяца как вышел из тюрьмы, и во всех отделениях полиции имелась его фотография. Ему пришлось несколько часов поломать голову, чтобы придумать, как лучше всего миновать полицейский кордон, не отвечая на неудобные вопросы. В итоге он купил экскурсионный тур из Майами в парк Эверглейдс и обратно с ночевкой в Парадиз-Сити. В автобусе, набитом шумными, радостными, слегка нетрезвыми туристами, он ощущал себя в сравнительной безопасности. Еще он прихватил с собой губную гармошку. Минут за десять до полицейского поста он начал играть, к восторгу своих попутчиков. Гармошка, зажатая в больших мясистых ладонях, полностью скрыла его лицо. Он выбрал себе место в самом конце автобуса, рядом с тремя такими же мускулистыми здоровяками, как он сам, и полицейский, поднявшийся в автобус, едва взглянул в его сторону, прежде чем сосредоточиться на остальных потных, осоловелых физиономиях, широко улыбававшихся ему.

Вот таким способом Миш Коллинз благополучно прибыл в Парадиз-Сити, а ведь полиция немедленно завернула бы обратно этого человека, если бы узнала его, потому что Миш Коллинз был не просто одним из самых лучших «медвежатников» в стране — о нем ходили такие слухи, что многие производители сигнализаций содрогались от одного его имени.

Мишу Коллинзу был сорок один год. Пятнадцать лет своей жизни он провел в тюрьме, иногда выходя на свободу. Он был массивным и толстым, его бугрившееся мышцами тело обладало огромной силой. Рыжие волосы уже начали редеть, а грубое, невыразитель-

ное лицо из-за пережитых тягот было прорезано глубокими морщинами. В его небольших, полных тревоги глазах горел задорный, хитроватый огонек, благодаря которому люди не особенно проницательные испытывали к нему симпатию.

Когда автобус подъехал к автовокзалу, он отвел экскурсовода в сторонку и сказал, что обратно не поедет.

— Я тут вспомнил, что у меня в городе живет приятель, — пояснил он. — Вы сдайте мой обратный билет, а деньги оставьте себе. Вы честно их заслужили.

И прежде чем экскурсовод хотя бы успел сказать спасибо, Миш исчез в людском водовороте.

Джек Перри приехал на собственном «олдсмобиле», шикарной модели «катласс» с откидным верхом, теперь уже несколько потрепанной, но все равно очень красивой. Он знал, что в полиции Вашингтона в картотеке отпечатков имеется один его «пальчик», всего один, указательный правой руки, и то была единственная ошибка, которую он допустил за долгую криминальную карьеру, — и эту тайну он хранил глубоко в себе, словно раковую опухоль. По крайней мере, его фотографий у полиции не было, и он подъехал к полицейскому посту, уверенный, что два бугая, проверявшие машины, понятия не имеют, что повстречали профессионального киллера.

Последние двадцать семь лет Перри зарабатывал на жизнь своей «пушкой». Он был метким стрелком, совершенно, абсолютно аморальным, и человеческая жизнь значила для него не больше плевка на тротуаре. Однако он был транжира, и денег ему вечно не хватало: главную роль в его жизни играли женщины... а где женщины, там и расходы.

Ему было сейчас около шестидесяти двух, невысокий, крепко сбитый мужчина с коротко стриженными белыми волосами, с круглым, одутловатым лицом, ши-